

«О ДУРНОМ НИ СЛОВА...»

Пять лет назад, когда праздновалось семидесятилетие Зиновия Гердта, Михаил Козаков, дивясь молодому задору юбиляра, воскликнул: «70! Не может быть!» Пообщавшись с Зиновием Ефимовичем какое-то время, послушав его суждения по тому или иному поводу, наблюдав за его ритмом жизни, я вынужден повторить те же слова, лишь изменив цифру: «75! Не может быть!» Сегодня Гердт не собирается уходить на покой, а, как любил прежде писать, «полон энергии и творческих планов». Это правда. Например, чтобы получить это интервью, мне сперва пришлось ждать, пока Зиновий Ефимович вернется из шестинедельного турне по Израилю, затем — пока уладит неотложные дела в Москве. Вклиниться в свободное окошко никак не удавалось, пока наконец я не услышал: «Иду вас завтра в шесть вечера. И вот я дома у актера в большой уютной квартире по улице Строителей.

— Зиновий Ефимович, быть может, я излишне самонадеян, но мне хотелось бы так построить наш разговор, чтобы он не получился грустным. Окружающая жизнь и без того тосклива, давайте попробуем о чем-нибудь хорошем!

— Не возражаю. Только удастся ли отрешиться от проблем? Очень крепко они держат. Откровенно скажу: я уже не могу читать газеты, смотреть телевизор, слушать радио. Повсеместно нагнетается ужас нашего положения. Тем сильнее я был поражен, когда недавно в одной из передач увидел женщину, которая на вопрос корреспондента: «Выживем ли, не умрем ли с голоду» — ответила, что, разумеется, осилим, и не такое приходилось терпеть... Знаете, у меня ком в горле стоял, и я дал волю слезам. Мне стало так хорошо, что где-то есть еще русская женщина, не позволяющая себе усомниться в том, что все закончится благополучно для нее и для страны.

Конечно, всем нам трудно, психологически трудно. Люди всю жизнь что-то строили, за что-то боролись, а в конце пути оказались нищими. Нас обманули. Чертов «железный занавес» был Сталиным придуман неспроста. Миллионы людей были убеждены, что по ту сторону границы — тюрьма народов, мы же живем в парке культуры и отдыха. Я с 1945 года работал в кукольном театре Сергея Образцова, имевшем международную репутацию и часто выезжавшем на зарубежные гастроли. Впервые в калстрану я попал, кажется, в 49-м. Вы можете представить, что это было

такое? Между тем я вынужден был, как Валентин Зорин или Генрих Боровик, искать язы капитализма. А я их в упор не видел. Да нашим языам до их язв... Впрочем, мы же с вами условились: о дурном ни слова.

— Тогда, быть может, в честь Нового года припомните какую-нибудь забавную историю?

— Припомнить не проблема, вопрос в другом. По-моему, просто смешить и развлекать в наше время тоже было бы нечестно по отношению к людям. И потом, признаюсь, мне осточертела роль комика, преследующая меня всю жизнь. До войны ведь я работал в нормальной театральной студии у Алексея Арбузова и Валентина Плучека, дебютировал в «Городе на заре» с драматической ролью Вени Альтмана. Ничего смешного в моих довоенных персонажах не было. А потом фронт, тяжелое ранение, одиннадцать операций, негибнущая нога, лишившая возможность полноценно играть на сцене...

Я стал кукольником, ушел за ширму. Кукольный театр хочет только смешить, и я превратился в комика. Все меня за него и принимают, хотя на самом деле это не так. Я просто знаю, что в самом печальном всегда можно найти смешное.

— Но я ведь не прошу, чтобы вы через силу пытались развеселить людей. Просто назовите-нибудь воспоминание, связанное с Новым годом...

— Хорошо, расскажу небольшую историю. Было это на войне. Мы стояли тогда в обороне на Дону, под Воронежем. После первого легкого ранения и контузии в канун 1943 года

мне предоставили отпуск. Из двух отпущенных мне недель больше половины ушло на дорогу в столицу. Приехал и почувствовал, что меня буквально выворачивает всего от желания как можно скорее вернуться в полк, к друзьям. Я бросил все, недогулял 4 дня, и на перекидных, на попутках 31 декабря вернулся к ребятам. Тот Новый год я запомнил навсегда, со всеми деталями, подробностями...

— Наверное, просто тогда ваш дом был там, на фронте.

— Да, дом... Родной очаг — это, наверное, главное, что должно быть у каждого из нас.

— Вы как-то сказали: «Моя мама была мамой...»

— Понимаете, папу я потерял рано, нас в семье осталось четверо, и все бремя забот легло на мамини плечи. Во время эвакуации она долго жила в Караганде. Последние три года очень тяжело болела, но никогда не жаловалась. Не хотела, чтобы из-за нее страдали другие. Она вообще была добрым и справедливым человеком. Помню, мой старший брат Борис уже женился, а мы все продолжали жить в одной комнатухе, разгородив ее шкафами и занавесками. Конфликты были неизбежны, но мама гасила их, беря всегда сторону слабого.

— А сегодня каков ваш дом?

— Это мой внук, моя дочь, мой зять и моя жена. Очередность в списке, пожалуй, можно изменить, начинать с конца. Таня, жена, необычайно важная опора в моей жизни. В последние годы я даже ни в какую гастроль не могу без нее ехать. Я легкомысленный, неорганизованный, а она собранная, умная, образованная. Ну я не могу без нее, просто совсем не могу. Мы с Таней прожили уже 32 года, и в том, что мне так хорошо дома, — ее заслуга.

Дом — это еще и друзья, которые приходят в него. Вот сейчас в соседней комнате дожидается окончания нашего разговора мой старинный друг Петья Тодоровский, с которым судьба меня свела 25 лет назад. Прекрасный товарищ, замечательный режиссер. В каждой из

своих картин хотя бы на минутку, но Петя меня в кадр введет. Я ему как-то сказал: если ты предложишь мне играть лошадь, я, конечно, соглашусь. Но ты учти, что она будет немножко хромать на левую заднюю...

— Зиновий Ефимович, вы много лет проработали в кукольном театре, где ваше лицо было скрыто от зрителей, вы долгое время дублировали зарубежных актеров — Жана Габена, Жерара Филиппа, Питера О'Тула. Наверное, это довольно сложно психологически: ведь люди знали не вас, а ваш голос?

— Если вы о честолюбии, то ошибаетесь. Я был совершенно удовлетворен тем, что имел. Я не завидовал, не тяготился своим закадровым существованием. Когда мне этого стало мало, я шагнул в свет юпитеров. Понимаете, тут есть еще одна особенность характера: не люблю смотреть на себя на экране. Большинство картин со своим участием я просто не видел. И дело, конечно, не в наплевательском отношении или высокомерии, нет. Я не хочу себя разрушать. Знаю, что многое мне может не понравиться, захочется немедленно исправить, а сделать это уже нет возможности.

— У вас удивительный голос. Любое слово, сказанное вами, становится по-особенному значительным...

— Знаете, почему это? Мое хобби — русский язык, русская поэзия. Оттого моя речь несколько усложнена, я делаю паузы, пытаюсь найти синонимы обыкновенному, затертому слову.

— Интересно, каково вам слушать речи наших современных ораторов из числа политиков?

— Это мучительно! За редким исключением эти люди говорят отвратительно. Из общего ряда выбивается Александр Николаевич Яковлев, речь которого полна интересных ассоциаций, литературных образов. За всем этим чувствуется художественно образованный человек. Язов говорит на добротном русском. Я с удовольствием его слушал, поскольку не вникал в суть того, что он нес, а обращал внимание на чистоту языка.

— Если продолжить эту мысль: не пытались ли вы взглянуть на наших государственных мужей как на актеров?

— Ну конечно! Знаете, я терпеть не могу любительщины. Самое гнусное явление нашей жизни — самодеятельность в профессиональном деле. Это, увы, процветает. Вот Янаев. Он ужасно дурной актер, отвратительно игравший свою роль. Но, я понимаю, понимаю, вы хотите услышать о ныне действующих... Однажды я оказался в одной компании с Борисом Николаевичем Ельциным. Я ведь ярый, убежденный ельцинист! Борис Николаевич так легко, весело, искренне говорил с людьми, что ему невозможно было не поверить. Убежден, он не играет, не пытается казаться выше, чем есть на самом деле.

— Но ведь политик, как и актер, должен уметь играть...

— Играть, но не переигрывать! Я, например, каждую роль лепил с себя, старался насытить образ реальными черточками живого человека.

— Паниковского из «Золотого теленка» вы тоже наградили своими чертами?

— Конечно. К Паниковскому я старался вызвать не только презрение, но и жалость. К этой одинокой, несчастной судьбе. Какой он жулик? Его всю жизнь только били.

— Там ведь на съемках была какая-то история с Роланом Быковым?

— Да, он пробовался на эту роль, но утвердили меня. Я ужасно переживал, а Ролан позвонил мне домой и полчаса убеждал, что должен сниматься именно я. Видите, какой благородный человек. Кстати, и в «Фокуснике» Пети Тодоровского я его заменил. Такие вещи надо помнить.

— Вы только что вернулись из поездки по Израилю. Как вы чувствовали себя на земле обетованной?

— Прекрасно! За 42 дня дал более 20 концертов, и везде принимали замечательно. Публика — наши бывшие соотечественники. Я им говорил: я для вас сентиментальное воспоминание о Родине. Они спорили, но я-то понимаю...

— Если позволительно об

этом спросить: вам не предлагали там остаться навсегда?

— Мне постоянно предлагают подобное, но это для меня совершенно невозможно. Я, например, виделся в Израиле с Мишей Козаковым, я понимаю его проблемы, но для меня подобный поступок исключен.

— В одной умной книжке я недавно вычитал фразу: вопросы — признак молодости, ответы — признак старости. Вы молоды духом, а значит...

— Да, я не потерял интерес к жизни, не разучился задавать вопросы. Меня очень занимает постижение художественной истины. Притом не устаю восхищаться игрой коллег — Инны Чуриковой, Марины Нееловой, Вячеслава Полунина, Алексея Петренко. А ведь я профессионал, знающий актерское ремесло.

Понимаю, мне уже не сыграть так, как они, и я тихо восхищаюсь другими. Знаете, мне не нужно самоутверждаться, стремиться к заоблачному совершенству. Я не стану лучше, чем есть. Дай Бог не стать хуже. Это главное. Вот передо мной лежат два сценария. Я каждую неделю читаю по два-три сценария и почти всегда отказываюсь от роли, не могу позволить себе послабление. Я хочу достигнуть простоты — и в жизни, и в ремесле. Простоты, которая и является высшим пределом мастерства.

— Думали ли вы когда-нибудь, что, родившись при царизме, переживете Страну Советов, что век ее окажется коротче человеческой жизни?

— Нет, и представить себе такое не мог. Для меня теперь самый счастливый день 21 августа 1991 года. Только я не знаю, как переубедить моих друзей, моих сверстников, воевавших в Великую Отечественную, отдавших силы и здоровье строительству песочных замков, посвятивших себя борьбе за ложные идеалы, как заставить их поверить в новое. Для меня абсолютно ясно, что худшее в нашей жизни осталось позади. Впереди — подъем, но преодолеть его можно только всем вместе, только сообща. Я почему-то упорно верю в лучшее.

Интервью взял
Андрей ВАНДЕНКО.